

— Юнона Белова • Ада Огнева —

ЗОЛУШКА
— для —
КОРОЛЯ ФЕХТОВАНИЯ

Ада Огнева

Золушка для короля фехтования

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Золушка для короля фехтования / А. Огнева — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала в элитную академию «Гриффон», чтобы стать чемпионкой и спасти семью от нищеты. Но в первый же день дочь ректора подставила меня, обвинив в нападении. Теперь вместо тренировок я чищу чужие шпаги, мою полы и терплю унижения. А всем заправляет Марк Северов — жестокий капитан команды, красавец и наследник влиятельной семьи. Он ненавидит меня. Ломаёт на тренировках. Заставляет подчиняться. Но почему его прикосновения заставляют сердце биться быстрее? Однажды я узнаю страшную правду: именно семья Марка разрушила карьеру моего отца! Теперь мне предстоит победить не только на фехтовальной дорожке. Но и в схватке с мужчиной, которого я должна ненавидеть.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юнона Белова

Золушка для короля фехтования

Глава 1

Перчатки сидели непривычно. Дома я занималась в старых папиных, а эти всё норовили съехать к пальцам. Подтянула левую, потом правую. В «Гриффоне» даже держатели для клинков были латунные, натёртые; с верхней трибуны тянуло кожей. В нашей квартире такой запах оставался, когда папа доставал форму из сумки. Только там за ним следовали крики мамы: опять бросил всё в прихожей. Здесь кричать никто не собирался — здесь пока смотрели на меня.

Первый день, а меня уже поставили в пару с Громовской. Когда выдавали форму, я спросила, нельзя ли сначала хотя бы размяться с новичками. «С Лизой», — повторили мне. Дочь ректора, звезда академии. Всё это я успела прочитать до поступления. Отец прислал ссылку и пожелал учиться у лучших. Ему легко желать: он ещё не видел, как лучшая смотрит на шов у меня на плече. Я подтянула перчатку. Стипендия — это папины лекарства. Я приехала за ней, а не за Лизиним одобрением.

На Лизиной форме не было ни одной складки. Моя после дороги никак не разглаживалась, сколько ни развешивай над чайником. Судья велел размяться. Лиза приблизилась, будто проверяла дистанцию; её плечо коснулось моего, и между нами мелькнул конец клинка. Я отступила слишком поздно. На рукаве осталась прорезь, из-под неё защипало кожу. Вот тебе и разминка.

— Упс, — прошептала Лиза, разглядывая прорезь. Я прижала ладонь к рукаву. Ей это понравилось: улыбнулась шире. — Твоя форма... такая хлипкая. Как и ты.

Я зажала ткань пальцами чуть ниже прорези. Лиза уже повернулась к трибунам, улыбается: у неё всё хорошо, это я зачем-то стою с испорченным рукавом. Смотреть на кровь нельзя. Начну проверять, глубоко ли порезала, — руки затрясутся. Лучше на её плечо. Оно опускается перед выпадом. Это папа научил замечать.

На складе сказали: «Бюджетный вариант для стипендиатов». Сейчас я поняла, на чём сэкономили. Рукоять тянула вниз, а гарда дребезжала при замахе. Я провела пальцем по соединению: не заусенец ли? — Время! Начали бой! — прикрикнул судья.

Хотелось ещё раз качнуть клинок: что там болтается у гарды? Судья уже дал команду. Я отступила на полшага, заставляя Лизу вытянуться за мной, и ушла из-под лампы. Блик мешал следить за остриём. Если оружие дрянь, придётся держать её подальше.

Она не дала мне и секунды освоиться. Первая связка знакомая, вторая — уже быстрее, чем папа показывал. Я отбивалась, чувствуя каждый удар в предплечье. Скользнула подошва, и Лиза прибавила шаг. Справа приблизились зеркала. Там я видела её прямую спину и собственное поднятое плечо. Опустит, Ветрова. Так рука устанет раньше, чем она.

— Ты слабая, Ветрова, — шептала она, нанося быстрый выпад. — Тебе здесь не место.

Лиза ударила в гарду. Я успела отбить, но рука приняла весь толчок. Дребезг оборвался. Вместо него раздался треск — слишком сухой для исправной стали.

Клинок лопнул на моих глазах. Я ещё сжимала рукоять, когда обломок ударил Лизу по щеке. Она дёрнулась назад. Платка у неё не было, кровь капнула на форму. Второй обломок вместе с выскользнувшей рукоятью отлетел к стене. Витрина звякнула, стекло посыпалось вниз. Я не успела даже отдёрнуть ногу.

Я раскрыла ладонь: пустая. Всё произошло после обычного блока. На полу лежал мой клинок, у Лизы текла кровь, а я никак не могла подобрать слова, чтобы объяснить, что не замахивалась на её лицо.

Ректор Громовский, отец Лизы, выбежал из ложи, багровый от ярости. Студенты замерли. Шепоток превратился в гул. — Что это такое?! — заорал он.

Лиза достала платок и прижала к лицу, рыдая театрально, но глядя на меня с торжеством. — Папа! Она хотела покалечить меня! Она специально сломала меч! Эта... эта беднячка не умеет обращаться с оружием! Она опасна!

С трибун крикнули «нищая». Кто-то подхватил. Я повернулась к ректору, пыталась перекрыть голоса: — Мой клинок был дефектным! Гарда... Да он сам может поднять обломок и посмотреть. Почему не поднимает?

— Молчать! — Ректор поднял руку. — Порча имущества академии. Нападение на ученицу. Ты знаешь, сколько стоит тот меч из коллекции XVIII века, который ты разбила своим варварским ударом?

Я пыталась сказать правду про трещину. Меня перебили, назвав некомпетентной нищей. Ректор смотрел на разбитую витрину. На излом моего клинка ему смотреть не хотелось.

У лестницы перестали шептаться. Я повернула голову и увидела Северова — его трудно было не узнать после всех разговоров в раздевалке. Капитан шёл через зал ко мне. Лиза по-прежнему держала платок у лица, но он на неё даже не посмотрел. Всё внимание досталось мне. Очень хотелось, чтобы досталось кому-нибудь другому.

Он подошел ближе, наступив на осколок стекла. Не морщась. Поднял двумя пальцами половинку моего сломанного клинка. Провел большим пальцем по месту излома. — Грязь, — произнес он тихо. Его голос был бархатным и жестоким. — В твоих руках даже сталь предательски ломается, Ветрова. Ты не фехтовальщик. Ты мусор.

За «мусор» хотелось ответить сразу. Сказать, куда ему поставить себя вместе с этой школой. Только слова сейчас ничего не исправят: сломанный клинок уже в его руке, ректор стоит рядом, а за дверью меня ждёт город, в котором мне негде жить. Я подняла глаза на Северова. Пусть хотя бы увидит, что услышала.

Марк заметил это. На его губах мелькнула едва уловимая усмешка. От его усмешки захотелось ударить ещё сильнее. На этот раз — намеренно.

— Ректор, — сказал Марк, не отводя от меня глаз. — Отчислить её нельзя. Стипендиальные фонды закрыты контрактом. Если она уйдет, школа потеряет инвестиции в «социальный проект». Пусть останется.

Лиза захлебнулась слезами: — Но она же...

— Она будет работать, — перебил Марк. — Чтобы выплатить долг за стекло и твой порез. Каждое занятие после тренировки она будет чистить шпаги всей команды. Бесплатно. До конца года. Если хоть одна оплошность... если хоть один след крови на полу... она вылетает с позором. И я лично прослежу, чтобы ей не дали ни одной рекомендации.

Остаться разрешили. На этом хорошее закончилось: завтра подойду к стойке уже не выбирать оружие, а собирать чужое.

Значит, теперь буду чистить оружие тем, кто минуту назад орал «нищая». Я уже представила, как выйду и больше сюда не вернусь. Дойду до вокзала, сяду у розетки, позвоню папе. И что скажу? Что не смогла потерпеть, поэтому в аптеку пока пусть не ходит? Взялась за порванный рукав и отпустила. Позвоню после. Когда останусь.

Я кивнула. Один раз. Коротко.

Очень хотелось уйти. Но придётся остаться. Чистить их оружие. Получить стипендию — и отправить деньги домой. Пока только так.

Глава 2

К ночи зал опустел. У раковины оставили табурет, замшу и оружие команды. Клинки лежали вповалку, хотя спортсменам полагалось следить за своим инвентарём. Теперь можно не следить — есть я. Села, расправила ткань на коленях и взяла ближайшую шпагу.

Долго тёрла одну и ту же гарду. Пальцы болели, и я старалась держать шпагу так, чтобы не сдавливать порез. Чья она? Кто-то сегодня смеялся, когда её выдавали владельцу. Тимур тоже был рядом, отвернулся после Лизино обвинения. Я помнила его глаза лучше, чем рукоять.

И вот, последний меч. Личное оружие Марка Северова. Тяжелая рапира с рукоятью, отделанной кожей акулы. Я взяла ее, чтобы почистить гарду. Свет лампы упал под углом. И я замерла.

Под обмоткой шли сколы. Я повернула гарду под лампой, протёрла ещё раз — они не исчезли. Сильный удар сбоку, и клинок разлетится, как мой. Только лицом напротив окажется кто-нибудь другой. Может, сам капитан.

Я повернула рукоять. Под грязью трещину легко было пропустить. Марк знал? Если знал, почему держал эту рапиру среди тренировочных?

Чья-то шпага уже разлетелась сегодня. Северов сам держал обломок и всё равно назвал виноватой меня. Стоило оставить его рапиру на стойке — пусть завтра объясняет собственную травму плохим происхождением металла. Эта мысль мне понравилась. Настолько, что я ещё раз провела пальцем по трещине. Положить. Уйти. Никакой мести, просто не моя работа.

Чёрная смазка забила под ногти. Я бы отмывала её дома, слушая, как папа спрашивает про учёбу. А потом узнала бы, что Северов лишился глаза. И никогда не смогла бы рассказать отцу, почему это произошло. Нет уж. Слишком много ему достанется за мою минутную радость.

Очистила соединение и положила рапиру отдельно от исправных. Под гарду подсунула записку: «Трещина. Боковую нагрузку не выдержит». Написала крупно, хотя хотелось зачеркнуть каждую букву.

Пушай ненавидит меня на здоровых ногах и с целым лицом. Так мне хотя бы будет кому ответить.

Про дефект моего клинка никто слушать не захотел. Посмотрим, захочет ли капитан слушать про свой.

Положила рапиру на верстак. В узком отражении на клинке поместились только мои глаза и кусок щеки, зато за спиной проступило движение. Северов. Я даже не услышала дверь. Давно смотрит? Записка была у него перед носом, убрать её уже не получится.

Я не обернулась. Продолжала протирать гарду — других клинков уже не осталось. — Чисто, — сказал он. Голос был тихим, без обычной ядовитости. Просто констатация факта.

Я посмотрела на отражение Марка в стали его же шпаги. Он смотрел на записку. Я ждала хотя бы вопроса. Но капитан взял рапиру за рукоять и унёс отдельно от остальных. Значит, прочитал.

В подвале было восемь градусов. Я смотрела на термометр возле двери и думала, что наверху сейчас потеют, а у нас можно хранить продукты. Обогреватель давно не работал. Из вентиляции дуло на раковину, прямо в мокрые рукава; я стояла боком, но теплее не становилось.

Кончики пальцев побелели, а костяшки растрескались. Раствор попал в трещину, я дёрнулась и оставила розовый развод на шпаге. Отлично. Сейчас ещё выяснится, что пятно тоже надо отрабатывать. Поднесла металл к лампе, нашла развод и снова стала тереть, стараясь держать ткань между пальцами и гардой.

Вода внезапно похолодела. Я крутанула вентиль до упора; тонкая струя не изменилась. Значит, внизу горячую отключили, а наверху у Лизы небось можно руки попарить. Ведро нужно наполнять всё равно. Сунула ладонь под струю — сразу свело пальцы — и зажала шпагу между предплечьем и краем раковины, чтобы не выронить.

Жаловаться дежурному? Пока поднимусь и буду объяснять, пройдет половина отпущенного времени. Он отправит к ректору, ректор спросит, почему бросила работу. Я уже выучила этот маршрут. Стиснула зубы и продолжила. Клинок должен быть чистым. За моей стойкостью сюда никто спускаться не собирается.

— Тебе нужно выдохнуть, Ветрова.

Я обернулась на голос, прижимая шпагу к краю раковины. Тимур стоял в дверях с термосом и бумажными салфетками. Я сначала посмотрела на салфетки: сухие, целая стопка. Он заметил это и приблизился медленно, чтобы я не отшатнулась с оружием в руках.

— Марк будет в ярости, если узнает, что ты принимаешь помощь от его подчиненного, — сказал он, подходя ближе и ставя термос на край раковины. Он открутил крышку, и пар коснулся моего лица. — Чай с имбирем. Согревает лучше, чем любая водка.

Термос обжог ладони. Хотелось обхватить его обеими руками и больше ничего не делать. Но Марк мог прийти в любую минуту. Сначала увидит чай, потом Тимура — и придумает, за что наказать нас обоих. Я спрятала термос под столешницу, оставив себе салфетку. На ней сразу выступили пятна с костяшек.

— Спасибо, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Но убери это отсюда. Сейчас.

Тимур посмотрел на салфетку в моих пальцах. Я уже испачкала её, взять обратно не получится. Он не забрал ни салфетки, ни термос. Ушёл, оставив дверь приоткрытой. Я подвинула термос ногой глубже под стол.

По лестнице постучали каблуки. Я наклонилась к шпаге: пить чай уже точно не успею.

Лиза привела Софью и Катю. Обе заглянули под стол раньше, чем на мои руки; я успела прикрыть термос ногой. Лиза поправила форму и заняла чистый стул возле раковины. Кто-то принёс его сюда не для неё, но кому придёт в голову спорить?

Она не кричала. Не хихикала. Она просто начала читать вслух.

«Статья в "Спорт-Экспресс", пять лет назад: "Виктор Ветров: чемпион или мошенник? Следствие продолжается". Цитата из суда: "Игрок использовал доверие спонсоров, чтобы покрыть личные долги..."»

Она читала, а я тёрла. Отец на её языке снова оказался мошенником. В статье были его имя, дата, знакомая фамилия судьи. Словно всё уже решили и мне можно только привыкать. Стиснула шпагу, пока Лиза не увидела, как дрожат пальцы.

— Знаешь, Ася, твой отец умел красиво падать. Но ты... ты умеешь красиво стоять в грязи. Это редкий талант.

Лиза протянула руку.

— Дай мне зеркало. То маленькое, из набора для полировки эфеса. Я хочу проверить свою помаду.

Я представляла, как откажу: Лиза встанет, скажет «хамство» и пойдёт наверх. А я останусь объяснять её отцу, почему не подала зеркало. Взять зеркальце было легче. Настолько легче, что от этого тоже стало противно.

Зеркальце было скользким от моих пальцев. Я вытерла ручку салфеткой и подала Лизе. Вот, смотри на себя сколько хочешь. Только не заставляй меня опустить глаза. Она взяла его, скривила губы то вправо, то влево, выбирая удобный угол. Я стояла рядом. На пол капало с моего рукава.

Лиза посмотрела на своё отражение, поправила губы и вернула зеркало мне, даже не поблагодарив.

— Ты держись, — сказала она с ноткой разочарования. — Скучно.

Марк появился с сигаретой. Здесь курить нельзя, но говорить ему об этом никто не соби-
рался. Он постоял в дверях, прислушиваясь к Лизе. Я тоже ждала, что он скажет. Лизе — или
опять мне.

Он сделал шаг вперед, бросил окурок в ведро с мутной водой, стоявшее у моих ног, и
усмехнулся. Не злобно. Равнодушно.

— Красиво, — произнес он, обращаясь к Лизе, хотя смотрел на меня. — Но слишком
долго. У тебя осталось двадцать минут, Ветрова. Иначе лишаю тебя обеда.

Марк развернулся и ушел. Окурок всплыл среди разводов смазки. Я выловила его сал-
феткой. Ведро всё равно мыть мне, а не капитану.

Глава 3

Ночь принесла озноб. Я лежала в общежитии, натянув одеяло до носа, слушая, как соседки шепчутся в темноте.

— ...слышали, она там, в подвале, как зомби ходит? — Марк говорит, она теперь никто. Стипендия под вопросом. — Представляю, как она будет чистить ему ботинки после тренировки. Ха-ха.

Я натянула одеяло на уши; шёпот всё равно слышался. Казалось, с утра в подвале было теплее, чем сейчас под ним. Соседки обсуждали мою стипендию так, будто сами платили её из карманных денег. Я нащупала телефон. Деканат прислал предупреждение: «Пропуск тренировки без уважительной причины = автоматическое отчисление». Никакого вопроса, как я себя чувствую.

Таблетка прилипла к языку. Запила водой, потом долго сидела на кровати, держа кружку на коленях. Можно остаться лежать. Можно позвонить маме. Только она начнёт плакать, а я потом всё равно встану. Лучше сразу. Влезла в форму и застегнула куртку до подбородка, пока соседки притворялись спящими.

Лампы в общем зале светили прямо сверху. Спрятать пятна на форме не получалось. Я встала с краю, за чужими плечами, но Лиза сразу посмотрела туда. Весь курс собрали вокруг неё и конверта, который она держала двумя пальцами.

Лиза вышла в центр круга. В руках она держала конверт из дорогой кремовой бумаги.

— Друзья! — её голос звенел от восторга. — Сегодня школа празднует начало нашего пути к Кубку Мира. И чтобы поддержать тех, кто помогает нам двигаться к цели своим незаметным трудом, я хочу вручить символический подарок нашей новой коллеге... по уборке инвентаря.

Я увидела чек раньше, чем Лиза вынула его из конверта. Цифры крупные. Хотелось спросить, настоящие ли деньги, — и от этого стало стыдно. Она протягивала их при всём курсе, не давая мне самой решить, принять ли помощь.

— Возьми, Ася, — улыбнулась она так широко, что видно было все зубы. — Это за твой неоцененный труд. Мы ценим преданность школе.

Они хлопали ещё до того, как я взяла конверт. Лиза дала им правильный сигнал: сейчас случится красивое доброе дело. Не взять деньги — испортить ей праздник. Взять — улыбаться на камеру, пока она объясняет, сколько стоит моя благодарность. Я слышала отдельные хлопки совсем близко, за плечом. Кто-то уже навёл телефон.

Я взяла чек. Пальцы скользили по бумаге. Я посмотрела на цифры. Потом на Лизу.

— Спасибо за чаевые, — тихо сказала я.

Зал начал расслабляться. Лиза довольно кивнула.

Но я не положила чек в карман. Я сложила его пополам. Раз. Два. Три раза. Бумага хрустнула, ломаясь вдоль волокон.

— А счёт за моральный ущерб, — продолжила я, глядя Лизе прямо в глаза, — я пришлю вам отдельно.

Лиза перестала улыбаться. Я смотрела на её рот: ну давай, скажи теперь при всех то, что говорила в подвале. Она только сжала конверт. Бумага громко хрустнула.

Я порвала чек пополам и сунула половинки в свой карман. Затем развернулась и вышла из зала, чувствуя на спине сотни взглядов. Смех за спиной оборвался. Кто-то всё-таки хмыкнул — и быстро замолчал.

В раздевалке было темно. Я прислонилась к шкафчику, пытаясь успокоить дыхание. Руки тряслись так сильно, что я не могла застегнуть молнию на куртке.

— Ты только что сделала себе врагов сильнее, чем были.

Марк стоял у дальней стены раздевалки. Я не заметила его, когда вошла. Он видел, как я пытаюсь застегнуть куртку; усмехнулся, но подходить не спешил. Пришлось убрать руки от молнии, чтобы они не выдавали меня.

— Но ты мне нравишься, — добавил он, подойдя ближе. Его запах — табак, кожа и холодный воздух — окутал меня. — Ты не жертва, Ася. Ты противник. И это... интересно.

Он протянул руку и коснулся моего подбородка, заставляя посмотреть на него.

— Завтра. Шесть утра. Спортивный зал №3. Там нет камер. Будем работать над твоей техникой. Покажи мне, что ты действительно можешь драться, а не только рвать чеки.

Когда Марк вышел, я наконец смогла застегнуть молнию. Потом опять расстегнула: стало жарко. Он только что приказал прийти в зал без камер, а я поймала себя на том, что жду утра. Дура. Потрогала в кармане половинки чека. Край царапнул палец. Ладно, Северов. Посмотрим, чем закончится твоя тренировка.

Лампочка над верстаком мигала. Я уже выбрала, чем буду чистить гарды, а Марк всё ещё стоял у двери. Пока он здесь, работать хочется медленнее: лишний раз заденешь металл — скажет, что порчу. Щётка в руке казалась слишком жёсткой.

— Чисти, — бросил он одно слово.

На верстаке теснились старые клинки. Один погнулся, у другого гарду так забило ржавчиной, что пальцы не пролезали. Такие отец не выбрасывал: чинил, пока мама не требовала освободить балкон. Здесь их просто складывали вниз. Я выбрала тот, до которого могла достать, не уронив остальные.

— Твои руки грязные, Ася, — голос Марка был холодным, как лезвие, но без блеска. — Как и твое происхождение. Начни с этого хлама. Пока не научишься уважать оружие, ты не достойна держать настоящее.

Я молча схватила жесткую щетку и банку с абразивной пастой. Пальцы зябли от холода, но я стиснула зубы. Это наказание? Или тест? Я начала тереть зазубрины на гарде одного из мечей. Под слоем грязи проступила гравировка: «Не сломался. Сдался». Мой взгляд скользнул дальше. На другой гарде шёл глубокий скол справа. Я подставила клинок под лампу, прикидывая угол удара. Папа заставлял меня разбирать такие ошибки — свои, а не чужие.

Щётка скребла так громко, что можно было притвориться, будто не слышу Марка. Рассматривала гарды, сравнивала сколы. На одной удар пришёл сбоку, на другой — прямо под большим пальцем. Хорошо бы попробовать такой угол на тренировке. Капитан может сколько угодно считать меня уборщицей. Оружие от этого учебником быть не перестанет.

Дверь открылась. Лиза спустилась со своими подругами и остановилась возле верстака. Я успела опустить клинок на ткань. Она прежде всего посмотрела на испачканные пальцы — вот за этим и пришла.

— Боже, как трогательно, — протянула она сладким голосом, который резал уши лучше любой фальшивой ноты. — Наша маленькая стипендиатка снова играет в прислугу. Знаешь, Ася, твои руки выглядят отвратительно. Жирные, черные. Руки горничной.

Она шагнула ближе, и я инстинктивно напряглась. Лиза взяла мою правую руку двумя пальцами, заставив раскрыть ладонь. Масло капнуло на её безупречное платье цвета слоновой кости. Она поморщилась, но не отпустила.

— Поцелуй мой сапог, — приказала она тихо, наклоняясь к моему лицу. Её глаза блеснули от предвкушения унижения. — Прямо сейчас. В знак извинения за то, что ты разбила витрину и порезала меня. За то, что посмела дышать одним воздухом со мной.

Марк повернул голову. Я не знала, вмешается ли он, если Лиза повторит приказ. Лучше не проверять. Я посмотрела на её сапог, потом на стойку с оружием. Там стояла её новая шпага.

Я выдернула руку. Тряпка осталась в ладони, а Лиза ждала, что я сейчас опущусь перед ней на колени. Вместо этого повернулась к стойке. Её новую шпагу узнаешь сразу: дорогая гарда, ни одного пятна. Сейчас будет ещё чище.

— Ты хочешь извинений? — спросила я, не глядя на неё. Мои движения были быстрыми, механическими. Я взяла её клинок. — Тогда смотри.

Провела тряпкой вдоль клинка, потом ещё раз. Сначала показалась полоса, на третьем движении исчезла. Я ловила свет лампы и следила только за сталью. Лиза говорила что-то за спиной. Пусть говорит: сапог никуда не денется, но мне есть чем заняться.

Я показала Лизе очищенный клинок, задержав его под лампой. Она смотрела на металл, потом на мои руки. Сапог так и остался непоцелованным — вот что ей не нравилось. А шпага сверкала. Попробуй теперь объясни, что я отказалась работать.

— Теперь мы квиты, — сказала я ровно.

Лиза набрала воздух, но сразу посмотрела на Марка. Он стоял рядом, всё видел. Она поняла, что жаловаться придётся при нём, и опустила взгляд на шпагу. Я вернула оружие на стойку, очень аккуратно. Пусть злится; второй разбитой витрины ей сегодня не подарю.

В этот момент в подвал шагнул Тимур. Он выглядел растерянным, держа в руках планшет с заметками. Его взгляд метнулся от побледневшей Лизы к моим красным от работы рукам.

— Ася, — он подошел ближе, понизив голос. — Ты дрожишь. Холодно. Возьми вот, — он протянул мне свою куртку. — И послушай, я разобрал тактику Марка. Если ты изменишь угол наклона корпуса при защите слева...

— Не надо, — перебила я резко. Голос сорвался на крик. Я оттолкнула его руку с курткой так сильно, что Тимур пошатнулся. — Мне не нужен спаситель, Тимур. Мне не нужна твоя жалость. Если я возьму твою помощь, я стану слабой. А слабым здесь нет места. Уходи.

Тимур удержал куртку, чтобы не уронить. Мне стало стыдно раньше, чем я успела отвернуться: он ведь ничего плохого не сделал. Но рядом стоял Марк. Если сейчас возьму куртку, он назовёт меня слабой, и я снова буду полировать до ночи. Уголок его рта дёрнулся. Доволен. Вот это было хуже, чем Тимурова обида.

— Хватит болтать, — голос Марка разрезал тишину. — Зал №3. Сейчас.

Глава 4

В зале №3 было теплее. Я остановилась у стойки, приготовилась взять тренировочное оружие. Марк снял куртку, остался в тонкой футболке. Потом достал маску и положил возле ноги на пол. Так и будем работать? Я посмотрела на сетку, он заметил и усмехнулся.

— Условия простые, — сказал он, беря в руки легкую тренировочную шпагу. — Ты выдержишь три минуты. Если упадешь — убираешь весь зал одна до утра. Если получишь царапину — лишаешься стипендии на месяц. Но если ты коснешься моей куртки, лежащей на скамейке... — он кивнул в сторону, где действительно висела его теплая вещь, — ...ты получаешь нормальное оружие. Настоящее. Не этот хлам из подвала.

Он сделал выпад. Быстрый, бесшумный. Я отскочила назад, сердце колотилось где-то в горле. Первый удар прошёл мимо, но воздух секнул щёку. Второй был ниже. Я блокировала его своей деревянной тренировочной палкой, чувствуя вибрацию в костяшках.

Марк работал быстро и почти не показывал замаха. Я встречала его клинок палкой, которую успела выбрать у стены. Пальцы начинало сводить. Просто держаться три минуты не получится — он прижмёт меня к штукатурке и на этом всё. Нужно заставить его переставить ногу. Как папа учил, когда соперник выше и сильнее.

Я перестала защищаться высоко. Вместо того чтобы встречать его клинок сверху, я сделала ложный шаг вперед, имитируя атаку на корпус, а затем резко сместилась влево и нанесла удар по голени Марка. Не сильно. Но точно в точку опоры.

Марк качнулся. Его идеальный баланс нарушился на долю секунды. Он удивленно посмотрел на меня, и в этом взгляде не было злости. Было раздражение.

— Грязно, — процедил он сквозь зубы, восстанавливая положение.

— Эффективно, — ответила я, повторяя маневр.

Марк прибавил темп. Палка трещала на каждом блоке. Хотелось отступить и перевести дух, но скамейка с его курткой оставалась сбоку. Я уходила с линии удара, пробовала подвести его к ней. Он не давал — переставлял ноги раньше, чем я успевала обойти.

Через две минуты он загнал меня к стене. Спина упёрлась в холодную штукатурку. Марк навис надо мной, его лицо было близко, дыхание учащенным. Одна рука прижала мою тренировочную палку к стене, вторая схватила меня за запястье, сжимая пальцы как клещи.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь меня обыграть? — прошептал он, и его губы почти касались моего уха. Запах табака и кожи окутал меня, вызывая головокружительный микс страха и странного, запретного возбуждения. — Ты моя ошибка, Ася. И я исправлю тебя.

Марк сжал запястье, и пальцы на палке начали разжиматься. Он смотрел мне в глаза — ждал, когда попрошу отпустить. Я дёрнула руку раз, другой. Бесполезно. Его предплечье было у самого моего рта. Устав я в ту секунду вспомнила только для того, чтобы послать его куда подальше.

Я рванулась головой вперед. Не удар, а укус. Мои зубы сомкнулись на его запястье, там, где кожа была тонкой и не защищенной перчаткой.

Марк зарычал от боли и неожиданности. Его хватка ослабла. Я вырвалась, толкнув его плечом в грудь, и отпрыгнула назад, тяжело дыша. На его руке выступили капли крови. Моя губа тоже болела, кус железный разлился во рту.

Мы остановились. Я отступила ещё на шаг, проверяя, крепко ли держу палку. Марк осматривал укус. Мне тоже хотелось вытереть губу, но для этого придётся освободить руку, а он ещё не сказал, что бой закончен.

— Неэтично! — раздался визгливый голос от входа. Лиза вошла в зал, наблюдая за боем из-за стеклянной перегородки. — Капитан Северов, она напала на вас! Это нарушение устава! Дисквалификация! Немедленно!

Марк оттянул край перчатки. На запястье проступили два красных следа. Он посмотрел на них, потом на меня. Я ждала, что отдаст приказ Лизе или вызовет охрану. Пока молчал.

Лиза подошла к нему. При мне она уже говорила про дисквалификацию, теперь осталось добиться, чтобы капитан повторил. Я увидела, как она заглядывает ему в лицо. Он смотрел совсем не на неё.

Но я чувствовала запах. Тот самый запах машинного масла, который остался на моих руках после подвала. Он был повсюду. Слишком сильный для тренировочного зала. Я посмотрела вниз. На полу, прямо перед моими ногами, была свежая масляная лужа. Из приоткрытой сумки Лизы торчало горлышко бутылочки; с него упала ещё одна капля. Она ждала, что я поскользнусь в момент решающего удара. Что я буду выглядеть комично и нелепо.

Видеть ловушки.

Я не побежала к нему. Я не стала ждать приглашения к бою. Я сделала шаг назад, перепрыгивая через масляную лужу, и в тот же момент совершила стремительный выпад, используя импульс прыжка.

Моя тренировочная палка описала дугу. Не в тело. Не в ногу. В лицо.

Палка выбила маску, которую Марк поднял с пола свободной рукой, собираясь продолжить бой. Металлическая сетка звякнула, маска отлетела в сторону с глухим стуком.

Зал замолк. Абсолютно, мертвенно тихо.

Пока он смотрел на упавшую маску, я метнулась к скамейке и хлопнула ладонью по его куртке. — Условие выполнено, Северов. Над Марковой бровью белел шрам; я принимала его за складку от сетки. Он сжал челюсти. Вот теперь видно, как устал. Я держала ладонь на его куртке — заработала. А жалость некстати: он только что прижимал меня к стене.

Лиза замолчала. Её предложение снять меня с тренировок повисло без ответа. Я держала палку перед собой, пока Марк снова осматривал запястье. Только теперь заметила, как сильно дрожат ноги: три минуты ещё не кончились?

Марк медленно поднял руку и потер укус на запястье. Затем он посмотрел на маску на полу. Он не рассмеялся. Не закричал.

Он подошел к маске, поднял её и аккуратно положил на скамейку. Затем повернулся ко мне.

— Ты научилась видеть ловушки, — сказал он тихо, и его голос звучал странно, хрипло. — Но ты всё ещё дерёшься как собака, а не как волк. Собака защищает хозяина. Волк убивает еду.

Он сделал шаг ко мне. Я не отступила. Сердце билось так громко, что заглушало шум в ушах. Он остановился в сантиметре от меня. Я чувствовала тепло его тела.

Марк протянул руку и снял со стойки свой личный клинок. Запасной, из элитной стали, с деревянной рукоятью. Треснувшую рапиру с кожаной обмоткой он больше не выносил на тренировку. Он взял его за клинок возле гарды и протянул мне рукоятью вперед.

— Бери.

Я сжала новую рукоять. Сразу стало понятно, насколько неудобной была та, что мне выдали на складе. Эта ложилась в перчатку, не тянула кисть вниз. Я чуть качнула клинок — гарда не дребезжала.

Лиза следила за моей рукой. Сам капитан доверил мне оружие, теперь ей придётся придумывать другую причину, почему я опасна. Я не отпустила рукоять, хотя Марк уже убрал пальцы.

Марк чуть улыбнулся. Я проверила хват на новой рукояти: непривычно, зато ничего не дребезжало у гарды. Можно драться. По-настоящему, без мысли, что следующим ударом сломаю ещё одну витрину. Лиза не отрывала глаз от шпаги. Ей хотелось вернуть её капитану — я это желание очень хорошо понимала. Мне хотелось оставить.

Северов смотрел на оружие у меня в руке так, будто вместе с ним выдал мне расписание на всю жизнь. А я примеряла вес. Вот за этим я пришла. Чтобы однажды он перестал подходить вплотную с уверенностью, что мне нечем ответить. Пока не стала говорить об этом вслух.

Глава 5

Утром я принесла в зал капитанский клинок, обёрнутый полотенцем. Всё боялась, что кто-нибудь возьмёт сумку и заглянет внутрь. Вчера Марк отдал его при Лизе. Сегодня мог сказать, что я неправильно поняла, — с ним это вполне возможно.

В общем зале построились двадцать человек. Тренер Волков обходил круг, поправлял стойки. Передо мной остановился ненадолго: увидел хват, прошёл дальше. Я не успела спросить, к кому сегодня встать в пару. Лиза заговорила раньше.

Лиза Громовская поправила прядь волос, идеально уложенных даже после разминки. Она не смотрела на меня напрямую. Её голос прозвучал звонко, чисто и отравленно: — Иван Сергеевич, можно вопрос? Техника Ветровой... она нестабильна. После вчерашнего инцидента с клинком я боюсь за безопасность партнёров. Если её руки дрожат при контакте, это риск травмы для всех нас. Может, стоит перевести её в режим индивидуальных занятий? Без парных спаррингов. До выяснения обстоятельств.

Подруги Лизы прыснули у меня за спиной. Я обернулась бы, если бы не тренер: он смотрел то на неё, то на мой клинок. Я открыла рот. Рука у меня дрожит от работы, а не потому, что я опасна! Тренер уже видел это? Или ему удобнее было услышать Лизу? Он молчал. Я ждала, чувствуя, как всё сильнее впивается в плечо лямка сумки.

Но Марк Северов, стоявший у стены в тени колонны, сделал шаг вперед. Он не защищал меня. Он даже не посмотрел на Лизу. Его серые глаза были прикованы ко мне, холодные, как лезвие бритвы. — Слабые звенья рвут цепь, — произнес он тихо, но каждое слово упало в тишину, как камень в воду. — Ася Ветрова выбывает из общей группы до конца недели. Коридоры свободны. Зал №3 открыт только по разрешению. Остальные — работаем.

Я даже не сразу пошла к двери. Посмотрела на сумку: внутри лежал клинок, который Марк сам дал мне вчера. Хороший, исправный. Значит, доверить оружие можно, а поставить в пару — нельзя? Хотелось спросить при всех. Хотелось швырнуть сумку к его ногам. Вместо этого я подтянула лямку, готовясь выйти. Лиза получит только мою спину.

Когда выходила, слышала за спиной шёпот. Лиза даже не понизила голос. Я не обернулась: знаю её улыбку, ещё раз смотреть на неё незачем.

В коридоре, где гулял сквозняк и пахло пылью со старых ковров, меня настиг Тимур Кайрат. Он бежал за мной, его лицо выражало искреннее беспокойство. — Ася! Постой. Это... это временная мера. Ты можешь переждать неделю. Просто не трогай никого, будь незаметной. Лиза успокоится, когда увидит, что ты не представляешь угрозы. Тебе нужно просто... переждать шторм.

Если неделю сидеть тихо, Лиза придумает, за что выгнать меня на восьмой день. Тимур этого не понимал? Или понимал, но не знал, что ещё предложить? Он догнал меня у поворота, загородил дорогу плечом. Я обошла его. Сейчас любой совет звучал как разрешение другим продолжать. — Не смей говорить мне, как выживать, Тимур, — бросила я резко, не останавливаясь. — Твой совет полезен для тех, кто хочет остаться пешкой. Я играю другую игру.

Он отступил назад, словно получив оплеуху. Он остановился у окна. Я шагнула дальше, всё ещё слыша это «переждать». Ему легко говорить: в его сумке лежит собственная форма, а не капитанская милость.

Зал №3 встретил меня темнотой и запахом сырости. Дверь в соседний подсобный кабинет была закрыта на замок. Камер здесь не было — Марк упомянул это вчера. Пустота давила на уши. Я скинула куртку, осталась в тонкой футболке. Холод проникал сквозь ткань, заставляя мышцы напрягаться.

В пустом зале наконец можно было двигаться без чужих смешков. Я подтянула к себе мешок, проверила крюк и вынула шпагу. Полотенце, которым обернула клинок, положила на

скамейку. Папа увидел бы, что я собираюсь делать, и велел бы сначала размяться. Я и размялась — резко, сердито, до боли в плечах.

Выпад в середину мешка. Ещё один, выше. От каждого попадания сыпался песок, я следила, чтобы острие не застряло в ткани. В общем зале меня не хотят — здесь никто не отодвигается. Можно повторять до тех пор, пока сама не скажу «хватит».

Шаги слышала после того, как мешок перестал качаться. Марк стоял возле стены, смотрел на мою стойку. Я ещё держала шпагу поднятой. Хотелось спросить, давно ли наблюдает, но он начал оценивать сам: — Твоя стойка выглядит отчаянной. И некрасивой. Ты махаешь шпагой, как дровосек топором. Где изящество? Где контроль? Ты просто злишься, Ася. А злость делает тебя предсказуемой.

Я остановилась, вытерла висок плечом. Пот всё равно щипал глаза. Назвать меня некрасивой он успел. Теперь пусть ответит, зачем пришёл смотреть. — Если я некрасивая, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза, — то почему ты до сих пор здесь? Почему ты не ушел к своим «элегантным» партнерам?

Он открыл рот. Я ждала ответа, а не следующей оценки моей стойки. Если всё так плохо, зачем пришёл? Нога сама сдвинулась назад, привычно готовясь уступить ему место. Я вернула её. Хватит. Здесь даже зрителей нет, можно хотя бы договорить.

Не отвечая, Марк натянул маску, схватил вторую шпагу со стойки и атаковал. Без предупреждения. Без команды «начали». Кончик клинка рассек воздух в сантиметре от моего лица. Я инстинктивно подняла защиту, блокируя удар. Металлический скрежет пронзил тишину. — Выживание, — пробормотал он, нанося новый выпад. — Читай намерения врага мгновенно. Если будешь думать о красоте, ты умрешь через секунду.

Я отступала, пока пятка не коснулась края мата возле стены. Марк шёл следом, не давал повернуть. Его клинок слышался раньше, чем я замечала замах. Нужно было выйти сбоку, иначе он снова удержит меня возле штукатурки.

Я приняла вызов. Перестала отступать. В момент, когда его клинок шел вниз, я сделала резкий полуоборот, используя его же импульс против него. Свободной рукой я задела бок маски. Незатянутый ремень соскользнул, сетка съехала, открывая левую сторону лица.

При боковом свете старый шрам над бровью оказался длиннее: он уходил к виску. Старый, бледный, но отчетливо видимый след глубокого пореза. Не случайность. Я вчера видела только его верхний край.

Марк потянулся к съехавшей маске возле виска. Сделал это резко, будто я залезла туда нарочно. Вот почему у него так изменился взгляд: не из-за проигранного обмена. Из-за того, куда я посмотрела. Я уже видела этот шрам, но сейчас он прочитал мой взгляд иначе. Опустила шпагу — ещё удар, и перемирия не будет.

Я держала оружие у бедра и ждала, пока он поправит маску. Если спросить сейчас, он взорвется. Если сделать вид, будто ничего не заметила, тоже поймёт. Мне хотелось узнать, кто его порезал. И совсем не хотелось снова платить за простой вопрос болью в запястье.

Подняла маску и подала ему. Шпагу держала в другой руке, у бедра, чтобы не выглядеть готовой ударить. Он взял сетку, а я протянула освободившуюся ладонь. Можно хоть сейчас закончить без угроз?

Марк смотрел на мою руку, затем на мое лицо. Медленно, почти неуверенно, он протянул свою. Я коснулась его пальцев. Кожа была горячей, несмотря на холод зала. Он не отпускал. Наоборот, сжал мою руку чуть крепче, притягивая меня ближе.

Наклонившись так, что наши губы разделяли считанные миллиметры, он прошептал, и его дыхание обожгло мою кожу: — Теперь мы квиты. Но если начнёшь расспрашивать про этот шрам... я сотру тебя в порошок.

— Тогда не рассказывай, — выдохнула я. — И руку отпусти.

Он посмотрел на наши пальцы, будто только сейчас заметил, что держит меня.

Четыре утра. Коридор общежития «Гриффона» пахнет дезинфектантом из кладовой. Я сижу на холодном линолеуме, пытаюсь взломать замок кладовой шпилькой. Пальцы уже не гнутся. Я согреваю их дыханием и опять вставляю шпильку. Охранник мог бы открыть дверь своим ключом. Смотрю на связку у него на ремне — он это замечает и прикрывает её курткой.

Игорь Петрович стоит у двери в конце коридора. В который раз смотрит на часы. Будто это я заставляю его ждать до шести, а не он меня. Ключи висят у него на ремне. Мне же ещё два часа ждать, если поверить новому приказу. Я протискиваю шпильку глубже и слушаю, заденет ли она язычок замка. — Смена начинается в шесть, Ася, — бормочет он, даже не поворачивая головы. — Приказ ректора. Не раньше. Вчера мне велели прийти к четырём. Лиза стояла рядом, когда выдавали расписание. Наверняка сейчас спит. А я к шести уже буду еле держаться на ногах. Шпилька гнется. Хруст. Металлический осколок режет большой палец. Кровь капает на белый пол. Боль вспыхивает ярко, но она лучше холода. Лучше ожидания. Я прижимаю порез чистым краем носового платка и встаю. Мне нужно войти. Любым способом. Но пока дверь не открылась, я просто жду, глядя прямо в глаза охраннику. Он отводит взгляд первым. Ключи у него, дверь закрыта, а я всё-таки заставила его посмотреть в пол. Жаль, этим взглядом не откроешь кладовую. Сажусь обратно на линолеум и берегу порезанный палец.

Глава 6

В зале №1 нужно мыть полы вручную. Лиза сказала, что роботы не справляются с «зонами риска». Я смотрю на гладкий кафель. Наверное, рискуют, что у стипендиатки останется свободное время. Наливаю воду и размешиваю раствор.

Желудок сводит судорогой. Со вчера я ела только сухарь. Голова кружится так, что стены плывут перед глазами. Каждый удар тряпкой по кафелю отдается эхом в висках. Руки горят от химии, кожа трескается. Поставлю ведро — нужно снова наклониться. Отожму тряпку — начинает щипать порез. Считаю плитки до дальней стены. Если смотреть на весь зал сразу, никогда не закончу.

Слышу каблук. Лиза идёт в тренировочном костюме, к нему почему-то подобрала шпильки. Отец бы спросил, как она собирается делать выпады. Она проходит мимо меня, смотрит вперёд. Не заметить ведро посреди зала трудно, но пытается. Её правый каблук-шпилька въезжает прямо в свежую лужу мыльной воды, которую я только что растерла. На белых брюках остаются капли. Лиза смотрит на них, потом на меня. Я не убираю тряпку: она сама сюда наступила. — Ты оставила след, — говорит она сладко. — Как всегда, грязная. Она делает шаг назад, наступая еще глубже, размазывая мою работу по полу. В зале тихо. Другие студенты-фехтовальщики замирают у станков, ожидая слез или крика. У станка парень подтолкнул локтем соседа: сейчас начнётся. Я узнала его. Вчера он просил дать списать историю оружия. Отлично, завтра будет учить сам. Но я не плачу. Я не кричу. Я молча опускаю ведро. Беру новую тряпку. И начинаю тереть то место, где прошла Лиза. С удвоенной силой. Пена сереет под её каблуком. Лиза двигает ногой, пытаясь помешать, а я прохожусь тряпкой рядом. Каждый раз рядом. Она хочет, чтобы я задела её — не дожждётся. От нажима щиплет порез. Я разгибаю палец, переносу ткань в ладони и снова провожу по полу. Лиза ждёт реакции. Ей нужен скандал, чтобы оправдать дальнейшее унижение. Выкручиваю тряпку над ведром. Смотрю, как туда стекает грязная вода, и вижу краем глаза: Лиза всё ещё стоит. Придётся ей стоять, пока я здесь закончу. Она фыркает, разворачивается и уходит, хлопнув дверью. Но я вижу, как её пальцы побелели, сжимая сумку. Я не сломалась. Пол опять чистый. Ей придётся придумать что-нибудь ещё.

Когда остаётся домыть совсем немного, подходит Дима Волков. Из резерва, Лизин приятель. Не для помощи, конечно. В его руках связка клинков. Он небрежно бросает их на мокрый пол. Я вздрагиваю от звона. Один клинок скользнул остриём по кафелю — теперь придётся проверить наконечник. — Подними, — командует он. — И почисти. Тренировка через час. Если хоть один клинок будет ржавым, ты вылетаешь из академии. Навсегда. Это нарушение протокола безопасности. Оружие не должно касаться пола во время смены. Но кто слушает прислугу? Дима даже ногу вперёд поставил, ожидая, когда я нагнусь. Под его кроссовком лежит край клинка. Ещё качнётся на пятке — погнёт. Я смотрю на клинки. Потом на Диму. Его лицо перекошено от самодовольства. Медленно, стараясь не расплескать воду из ведра, я беру один из клинков. Он скользкий, тяжелый. Я опираю гарду о край скамейки, доставая из кармана своей футболки кусок сухой ткани (единственное, что осталось чистым). Я аккуратно протираю лезвие, движениями, которые мне показал отец. Медленно. С уважением к оружию, которого не было у этого человека. Когда я возвращаю клинок Диме, он берет его двумя пальцами, будто боится испачкаться. — В следующий раз держите оружие крепче, господин балласт, — говорю я ровным голосом. Дима сжимает свободную руку. Шпага уже у него. Я не двигаюсь. За его спиной кто-то подошёл, и он сразу посмотрел туда. Вот и хорошо. Хоть сейчас ему придётся вспомнить, что на нас смотрят. Он разворачивается и уходит, ничего не сказав. Я глянула на оставшиеся шпаги. Их всё равно собирать мне. Зато Димин приятель больше не

смеялся. Прикусил губу, смотрит вслед Волкову и прячет улыбку. За это маленькое удовольствие я даже поднять оружие готова.

В столовой выбираю стол у стены. На него обычно не садятся. Так хотя бы можно доестъ, не уступая места Лизиной свите. Я достала из кармана куртки засохший сухарь, найденный утром. Он крошится в руках. Тимур Кайрат проскальзывает между столами. Он бледный, его очки съехали на нос. В руке он сжимает бутерброд с сыром и ветчиной. Запах жира бьет мне в ноздри сильнее любого оскорбления. — Ася... — шепчет он, подходя ближе. — Возьми. Тебе нужно есть. Он протягивает еду и смотрит мимо моего плеча. Что там, капитан? Обернуться бы, только бутерброд тогда исчезнет раньше, чем возьму. Тимур держит его всё ближе, но пальцы дрожат. Лиза Громовская сидит напротив, за длинным столом королей. Она видит всё. — Тимур, — её голос звенит, как фарфор. — Убери это немедленно. Грязные руки стипендиатки могут заразить элиту болезнями. Мы не хотим эпидемии в нашем сообществе. По её сигналу опять смеются. Парень у соседнего стола даже ещё не понял, над чем, но уже хохочет. Тимур вздрагивает. Он смотрит на меня, полный вины и страха. Потом быстро прячет бутерброд обратно в карман и исчезает. Я остаюсь одна. Бутерброд ушёл вместе с Тимуром. Я слежу за ним глазами, потом смотрю на сухарь. Крошки уже на столе. Собираю их пальцем: ещё чего, оставлять им даже это. Я спокойно надкусываю сухой жесткий хлеб. Смотрю прямо на Лизу. Через весь зал. Через их смех. Через их презрение. Она перестаёт улыбаться. Хлеб царапает нёбо. Хочется воды, а лучше — бутерброда, который Тимур унёс. Но вставать под её взглядом не буду. Дождю здесь. Я не отвожу глаз до тех пор, пока она не отвернется первой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.